

полноценности. Он усиливается от десятилетия к десятилетию и достигает высшей точки к первому путешествию Петра за границу. По возвращении царь устраивает экстралегальный переворот, вплоть до перемены календаря. Переворот затрагивает и церковь. После смерти Адриана, совпавшей с этим переворотом, патриаршество как бы «приостанавливается», а местоблюстителем архипастырского престола назначается митрополит Стефан Яворский, некогда менявший веру для вящей пользы науки.

Петр преследует двоякую цель — это европеизация и секуляризация, притом оба слагаемых одинаково весомы. Поэтому он сохраняет и приумножает цивилизационные элементы в доставшемся ему наследстве (эпохенцию, поэзию, мажоро-минорную музыку, театр, регулярную школу). В тогдашней ситуации цивилизационная струя отождествлялась с церковностью, ибо профессиональная интеллигенция в абсолютном большинстве состояла из духовенства, черного или белого. Но это — церковная оппозиция, ученые «черкасы», присмирившие после репрессий рубежа 1680—1690-х гг. Петр превращает оппозиционный слой в правящий, усилив его за счет испомещения в Москве новых «черкас» (среди них были такие крупные фигуры, как св. Димитрий Ростовский). Царь полагает, что таким образом повысится интеллектуальный потенциал русской церкви, и в известном смысле царь прав.¹³

Приостанавливая патриаршество, Петр «приостанавливает» и русскую святость. Совершаются последние акты капонизации — юродивого Максима Московского (1698 г.), Ионы и Вассиана Пертомииских, которым, как полагали, царь обязан был спасением во время бури на Белом море. Акты конца столетия — вежа, после которой русской церкви придется прозябать без новых святых. За весь петербургский период (до восшествия на престол Николая II) национальный месяцеслов пополнится лишь пятью именами.

Разумеется, в данном случае за образец Петр брал лютеран и кальвинистов, которые признают Писание, но отвергают Предание, не почитают икон, мощей и т. п. Однако великороссы, гордившиеся своими подвижниками, в том числе и самым их множеством, с петровской реформацией примириться не могли — точнее, не могли расстаться с традицией. Следствие неприятия — отношение к Петру как антихристу, перенесенное потом и на его преемников на троне. Другое следствие гораздо важнее. Оно касается нового для русской культуры феномена, который можно назвать «светской святостью».

Это, конечно, сакрализация монарха.¹⁴ Это культ Петра — Первого, Великого, Отца Отечества, в меньшей степени Екате-

¹³ См.: Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви. Париж, 1959. Т. 2. С. 315—320.

¹⁴ Живов В. М., Успенский В. А. Царь и Бог: Семантические аспекты сакрализации монарха в России // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987. С. 47—153.